

Екатерина Мордвинцева

По ту сторону мира

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

По ту сторону мира / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Студентка-социолог Катя просто хотела шаурму перед сессией. Но вместо острого соуса получила портал в другой мир, а вместо зачётки — должность секретарши в Управлении по контролю за межмировыми аномалиями. Её начальник — мрачный тип с отросшей чёлкой, который пьёт кофе без сахара и считает её главной проблемой отдела. Но когда выясняется, что Катя видит магию как математические формулы, а на её способности открывается охота, начальник понимает: эту попаданку придётся не только учить делопроизводству, но и защищать. Даже если для этого нужно устроить дуэль на корпоративе.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Я никогда не верила в судьбу. Как социолог-третьекурсник, я твёрдо усвоила: жизнь — это цепочка закономерностей, причинно-следственных связей и статистических вероятностей. Люди не попадают в другие миры, потому что это противоречит всем известным мне законам физики, логики и, если уж на то пошло, здравого смысла.

Но в ту ночь здравый смысл остался дома, благополучно завернувшись в одеяло и досматривая десятый сон, пока я стояла у ларька с шаурмой и проклинала всё на свете.

Сессия — это не просто время экзаменов. Это период, когда человеческий организм превращается в биологическую машину по переработке кофеина, никотина (я не курю, но мои соседки по общежитию — да, так что пассивно я была с ними заодно) и отчаяния. Три дня до экзамена по истории социальных учений, четыре недоспанные ночи, семнадцать выученных билетов из шестидесяти и полное осознание того, что если я сейчас не съем что-то калорийное и желательно горячее, то мой мозг окончательно расплавится и вытечет через уши.

Ларёк «Алладин» располагался на углу улицы Университетской и проспекта Мира, ровно на полпути между общежитием и главным корпусом. В три часа ночи это был единственный островок света и запаха жареного мяса в радиусе километра. Жёлтый неоновый свет выхватывал из темноты облупившуюся краску на стенах, заляпанное окошко выдачи и фигуру продавца — мужчину неопределённого возраста с усами, которые, казалось, жили своей собственной, отдельной от хозяина жизнью.

— Девушка, вы будете заказывать или так и будете стоять, пока шаурма не остынет? — спросил он с таким видом, будто я лично отнимала у него драгоценное время, которое он мог бы потратить на более важные дела. Например, на созерцание пустоты.

— Да-да, извините, — я судорожно зарылась в карман куртки, извлекая последнюю пяти-сотрублёвую купюру. Стипендия была три дня назад, а я уже на мели. Типичный студент, типичные проблемы. — Классическую, с курицей, побольше соуса. И лаваш пожёстче, чтобы не размокал.

Продавец крикнул, принимая деньги, и принялся колдовать над своим валиком. Я наблюдала за его движениями с тем особым гипнотическим вниманием, на которое способен только голодный человек, ожидающий еду. Он ловко размазал соус по лавашу, выложил курицу, огурцы, капусту, снова соус. Руки двигались автоматически, без единого лишнего движения — тысяча, может быть, десять тысяч шаурм, свёрнутых за годы работы, превратили процесс в отточенный ритуал.

— Много капусты не кладите, — попросила я, хотя было уже поздно. Капусты было много. Всегда было много. Но именно сейчас я почему-то почувствовала, что капусты действительно слишком много. Её белые ленты свисали с краёв лаваша, как волосы утопленницы.

— Нормально, — отрезал продавец, заворачивая мою шаурму в салфетку, а потом в бумажный пакет. — Держите. Только не подавитесь.

— Спасибо, — буркнула я, принимая драгоценный свёрток.

Запах ударил в нос мгновенно — горячий лаваш, пряное мясо, чесночный соус. Желудок издал звук, похожий на рычание дикого зверя. Я отошла от ларька на пару шагов, пристроилась на корточках у стены (скамейки в этом районе не предусматривались, а сидеть на холодном асфальте в марте было сомнительным удовольствием) и с наслаждением вонзила зубы в шаурму.

Это было небесное наслаждение. Хрустящий лаваш, сочное мясо, острый соус, хруст капусты — капусты действительно было много, но сейчас даже это казалось правильным. Я зажмурилась от удовольствия, чувствуя, как жизнь потихоньку возвращается в зачехлённое

тело. Кофеин и адреналин, на которых я держалась последние сутки, наконец-то получили подкрепление в виде нормальной еды.

Я сделала второй укус, и в этот момент всё пошло не так.

Сначала мне показалось, что у меня закружилась голова. Резко, как после слишком быстрого вставания с кровати. Я открыла глаза, чтобы проморгаться, и увидела, что мир... складывается.

Буквально.

Асфальт под ногами пошёл складками, как ткань, которую сминают в гармошку. Здание общаги на противоположной стороне улицы растянулось в длинную полосу, а потом свернулось в трубу, как бумага в проекторе. Неоновая вывеска «Алладин» моргнула, распалась на миллион оранжевых искр и вытянулась в линию, уходящую куда-то вверх.

— Что за... — прошептала я, но звук застрял в горле.

Моё тело перестало меня слушаться. Ноги онемели, руки прилипли к шаурме (я всё ещё держала её, даже сейчас, в момент полного безумия), а живот скрутило ощущением, будто я падаю в лифте, который разогнался до скорости космического корабля.

Я попыталась закричать, но вместо крика из горла вырвался только сдавленный писк, больше похожий на звук, который издаёт воздушный шарик, когда из него выпускают воздух.

Пространство вокруг меня сложилось окончательно. Я видела, как улица, дома, фонари и звёзды над головой спрессовались в тонкую линию, а потом эта линия... развернулась. Нет, это было не так. Скорее, меня вывернули наизнанку. Или мир вывернули наизнанку. Или нас обоих.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что это, должно быть, похоже на то, что чувствует человек, которого засасывает в чёрную дыру. Только у чёрных дыр нет запаха шаурмы и капусты в волосах.

Потом была темнота. Не та темнота, когда закрываешь глаза, а какая-то плотная, вязкая, как патока. Она давила на уши, на глаза, на кожу. Я чувствовала себя рыбой, которую заморозили, а потом разморозили, но не до конца, оставив в состоянии между живой и мёртвой.

А потом темнота исчезла.

Я летела. Нет, не так — я падала. Стремительно, с нарастающим ужасом, лицом вниз. Ветер свистел в ушах, волосы хлестали по щекам, а в руке... в руке всё ещё была шаурма.

Некоторых вещей человеческая психика не выдерживает. Момент падения в неизвестность из непонятно откуда — один из них. Моя психика, вместо того чтобы впасть в спасительный обморок, сделала нечто другое: она сконцентрировалась на шаурме. На её весе, на текстуре, на том факте, что я, чёрт возьми, заплатила за неё последние пятьсот рублей и не собираюсь терять еду даже в ситуации, которая очень похожа на предсмертную.

— Держись, — прошептала я шаурме. — Мы вместе до конца.

Конец наступил быстрее, чем я ожидала.

Я приземлилась — и это слово здесь совершенно не подходит, потому что приземление предполагает какой-то контроль над процессом, а у меня его не было — на что-то твёрдое, но при этом хрупкое. Звук был такой, будто кто-то с размаху сел на стопку бумаги. Или на стопку папок. Или на архив.

В моём случае это была стопка папок. Много папок. Папки хрустели, мялись, лопались по швам, и отовсюду сыпались бумаги — белые, жёлтые, пергаментные, с печатями, без печатей, с какими-то завитушками и иероглифами, которые точно не были русским, английским или даже китайским, который я бы точно опознала по характерным чёрточкам.

Я лежала на спине, раскинув руки, и смотрела в потолок. Потолок был высокий, тёмный, с балками, на которых висели светильники — не лампочки, нет, какие-то светящиеся шары, парящие в воздухе без видимой опоры. Они пульсировали мягким голубоватым светом, как медузы в глубине океана.

Где-то надо мной что-то щёлкнуло, и один из шаров моргнул, переливаясь из голубого в розовый.

— Вы... — раздался голос.

Голос был мужской, низкий, с хрипотцой, как у человека, который не спал несколько суток и выпил слишком много кофе. Или который привык разговаривать с подчинёнными тоном, не терпящим возражений.

— Вы в курсе, что у нас приём документов только до четырёх? — продолжил голос. — И что для личного визита необходимо предварительно записаться через секретариат?

Я попыталась повернуть голову. Получилось с трудом — шея затекла, а в волосах что-то хрустело. Капуста, поняла я. В моих волосах застряла капуста из шаурмы.

Шаурма!

Я судорожно сжала руку — свёрток был на месте. Чуть приплюснутый, но целый. Кажется, я даже не выронила ни кусочка. Организм в критической ситуации экономил ресурсы — мышцы свело судорогой, но шаурму я удержала.

Человек, который ко мне обращался, стоял примерно в двух метрах от меня. Вернее, он стоял, а я лежала, и это сразу ставило нас в неравное положение, что мне категорически не понравилось. Я попыталась сесть, но папки подо мной зашевелились, и я снова ухнула вниз, поднимая облако бумажной пыли.

— Не дёргайтесь, — устало сказал мужчина. — Вы и так уже уничтожили отчёты по порտальной активности за третью декаду. Если начнёте активно двигаться, пострадают документы за прошлый месяц, а их у меня всего два экземпляра, и второй — в архиве, до которого нужно идти сорок минут.

Я наконец-то смогла сфокусировать зрение.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, худой, с тёмными, слегка отросшими волосами, которые падали на лоб неровной чёлкой. На нём был тёмно-синий мундир с высоким воротником и серебряными нашивками на плечах. Нашивки были похожи на звёзды, перечёркнутые молниями, но я могла ошибаться — в конце концов, я только что рухнула с неба в грудку бумаг, и мои когнитивные способности были не на высоте.

Лицо у него было... некрасивым. То есть красивым, но не в том смысле, к которому я привыкла. Не гладкий мальчик-бог из рекламы парфюма, а скорее выветренное, угловатое лицо человека, который много работает и мало спит. Тени под глазами, резкие скулы, тонкие губы, сжатые в линию терпеливого раздражения. И глаза — тёмные, почти чёрные, смотрели на меня без всякого выражения. Как на экспонат, который свалился на стол и теперь требует оформления кучи бумаг.

В руке он держал чашку. Из чашки шёл пар, и пахло кофе — настоящим, свежесваренным, тёмной обжарки. Мой нос, забитый запахом шаурмы и капусты, всё равно уловил этот аромат, и где-то в глубине души шевельнулась острая зависть.

— Вы меня слышите? — спросил он, делая глоток.

— Слышу, — выдавила я. Голос сел, в горле пересохло. — Вы не могли бы... объяснить, где я? И что происходит?

Мужчина поднял бровь. Одна бровь, чуть выше другой. В этом движении было столько скептицизма, что я почувствовала себя особенно глупо.

— Вы находитесь в кабинете начальника Управления по контролю за межмировыми аномалиями города Альдегарда, — произнёс он так, будто это было очевидно. — Я — начальник этого управления, Фредрик Хальден. А вы, судя по всему, незарегистрированная мигрантка из мира низкого магического фона. Что, впрочем, не освобождает вас от необходимости заполнить въездные документы и пройти сорокавосемичасовой карантин.

Я моргнула.

— Что?

— Сорокавосемичасовой карантин, — повторил он. — На случай, если вы принесли с собой вирусы или паразитов, к которым у нас нет иммунитета. Стандартная процедура. Пункт четырнадцать, параграф три, статья семь Кодекса межмировых перемещений.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как капуста сыплется на папки. — До этого. Альдегард? Межмировые аномалии? Вы что, с ума сошли? Где я? Это розыгрыш? Меня кто-то снял? Скоро выйдет ведущий с камерой и скажет, что это «Скрытая камера»?

Фредрик — если его действительно так звали — посмотрел на меня с выражением человека, который уже сто раз слышал этот вопрос и сто раз на него отвечал.

— Я не знаю, что такое «Скрытая камера», — сказал он. — И у меня нет времени на розыгрыши. Час назад из моего отдела уволилась секретарша. Сбежала с караванщиками в Нижние миры, если вам интересно. У меня на столе скопилось двести тридцать семь необработанных запросов, пятнадцать срочных отчётов и три аномалии, требующие выезда. А теперь ещё и вы падаете с потолка на мои папки.

Он замолчал, сделал ещё глоток кофе и добавил:

— И проливаете соус на мой единственный чистый мундир.

Я посмотрела на его мундир. На тёмно-синей ткани действительно расплывалось светлое пятно. Соус. Чесночный соус из моей шаурмы.

— Извините, — машинально сказала я, а потом до меня дошло. — Подождите. С потолка? Я упала с потолка?

— Технически — из пространственного разрыва, который открылся над моим столом, — поправил он. — Но с точки зрения обывателя — да, с потолка. Третий случай за эту неделю, кстати. Система стабилизации порталов барахлит, а Ремонтный отдел говорит, что у них нет запчастей до следующего месяца. — Он вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, что мне на миг стало его жаль. — Впрочем, ваше происхождение меня сейчас волнует меньше, чем вопрос: что мне с вами делать?

Я наконец-то собрала остатки воли в кулак и села. На этот раз получилось — папки под мой жалобно хрустнули, но не разъехались. Я огляделась.

Кабинет был огромным. Не в смысле площади, а в смысле высоты потолков и количества... всего. Стены от пола до потолка были заставлены стеллажами с папками, свитками, коробками и какими-то странными предметами, которые я не могла идентифицировать. В углу стоял глобус, но не обычный, а какой-то светящийся, с движущимися облачками и крошечными молниями, которые били из одной точки в другую.

Стол, на который я приземлилась, был завален бумагами. Не просто завален — он был похож на археологический раскоп, где слои документов уходили вглубь, и чтобы добраться до нижних, нужна была, наверное, целая экспедиция.

И везде, куда падал взгляд, были печати. Красные, синие, золотые, какие-то мерцающие. На бумагах, на папках, даже на стенах — круглые оттиски с замысловатыми символами, которые, казалось, светились в полумраке.

— Вы меня слушаете? — голос Фредрика вырвал меня из созерцания.

— Да, — соврала я. — Слушаю. Вы говорили о каких-то документах.

— Я говорил о том, что система автоматической регистрации перемещений, — он ткнул пальцем в висящий в воздухе светящийся экран (я даже не заметила его раньше, настолько он был прозрачным), — зафиксировала ваше прибытие и присвоила вам статус «временный сотрудник с испытательным сроком».

Я уставилась на экран. На нём действительно было что-то написано — столбцы цифр, символов и слов на языке, который я не понимала. Но одна строчка выделялась ярко-красным, и даже без знания языка было понятно, что это мои данные.

— Подождите, — сказала я медленно. — Каким сотрудником? Какой срок? Я вообще-то студентка, у меня сессия, мне через два дня экзамен сдавать!

— Не знаю, что такое «сессия» и «экзамен», — отрезал Фредрик. — Но знаю, что система не ошибается. Если она присвоила вам статус сотрудника, значит, вы были зарегистрированы как мигрант, прибывший по трудовой визе. Альтернатива — депортация в Хаос, но для этого нужно решение суда, а судья у нас в отпуске до конца декады.

— В Хаос? — мой голос сорвался на фальцет. — Вы не можете меня депортировать! Я вообще не хотела сюда попадать! Я просто хотела есть!

Фредрик посмотрел на меня. Потом перевёл взгляд на шаурму в моей руке. Потом снова на меня.

— Вы хотите сказать, — произнёс он очень медленно, — что не планировали межмировое перемещение?

— Конечно, не планировала! — воскликнула я, размахивая шаурмой для убедительности. — Я купила её у ларька «Алладин»! За пятьсот рублей! Это была обычная шаурма! Ну, капусты многовато, но это же не повод, чтобы...

Я замолчала, потому что Фредрик вдруг сделал шаг ко мне и очень внимательно посмотрел на свёрток в моей руке. Его лицо, до этого выражавшее только усталое раздражение, вдруг стало серьёзным.

— Покажите, — сказал он.

— Что?

— Эту... шаурму, как вы её называете. Покажите.

Я протянула шаурму. Он не взял её, а просто наклонился и принял. Потом медленно выпрямился, и в его глазах мелькнуло что-то, очень отдалённо похожее на интерес.

— Стабилизирующий артефакт, — пробормотал он. — Вплетён в структуру продукта. Грубо, примитивно, но эффективно. Носитель-проводник — капуста. — Он посмотрел на меня. — Вы сказали, капусты было много?

— Ну да, — растерянно ответила я. — Я просила поменьше, а он...

— Он сделал ровно столько, сколько нужно, чтобы активировать портал, — перебил Фредрик. — Кто этот продавец? Как он выглядел?

— Обычный мужчина. С усами. Я не знаю, он всегда там работает, я его сто раз видела...

Фредрик выругался. Тихо, на каком-то другом языке, но интонация была абсолютно понятна без перевода.

— Значит, так, — сказал он, возвращаясь к своему обычному тону. — Ситуация следующая. Вы — незаконно перемещённое лицо из мира низкого магического фона. Продавец, который продал вам эту... — он кивнул на шаурму, — вероятно, является агентом, занимающимся нелегальной переброской мигрантов. Система зарегистрировала вас как трудового мигранта, потому что у него, видимо, есть доступ к нашим базам данных. Исправить это технически сложно — потребуется неделя, а то и две. Всё это время вы будете находиться в правовом вакууме, что означает автоматическую депортацию в Хаос по истечении семидесяти двух часов.

Я слушала его и чувствовала, как мир уходит из-под ног. Буквально. Ещё полчаса назад я стояла у ларька с шаурмой и думала об экзамене по истории социальных учений. А теперь какой-то мужчина в странном мундире говорит мне о депортации в Хаос, и это звучит так, будто Хаос — это не метафора, а реальное место, куда отправляют нелегалов.

— Что мне делать? — спросила я. Голос прозвучал жалко, и я ненавидела себя за это, но страх был сильнее гордости.

Фредрик помолчал. Посмотрел на экран, на папки, на пятно от соуса на своём мундире, на шаурму в моей руке. Вдохнул. Сделал глоток кофе.

— Есть один вариант, — сказал он наконец. — Система присвоила вам статус временного сотрудника. Если вы фактически займёте должность, система зафиксирует выполнение условий контракта. Это даст мне время разобраться с вашим делом и найти способ отправить вас обратно, не привлекая внимание Департамента миграции.

Я моргнула.

— Вы предлагаете мне у вас работать?

— Я предлагаю вам временно, — он подчеркнул это слово, — исполнять обязанности секретаря моего отдела, пока я не выясню, как вас вернуть. Это чисто бюрократическая формальность. Вы будете заполнять бланки, отвечать на звонки, разбирать корреспонденцию. Ничего сложного.

— Но я не умею... — начала я.

— Никто не умеет, — перебил он. — Моя предыдущая секретарша не умела даже читать, но система её зарегистрировала, и три года она прекрасно справлялась. В основном потому, что всё делала Грета. Но Грета — курьер, и у неё своих дел хватает. Вам придётся учиться.

Я смотрела на него и пыталась переварить информацию. Работа. В другом мире. Секретарём у человека, который смотрит на меня, как на досадную помеху, свалившуюся с неба вместе с шаурмой.

— А если я откажусь? — спросила я.

Фредрик пожал плечами.

— Тогда через семьдесят два часа вас переместит в Хаос. Что там находится, я не знаю — никто не знает. Из Хаоса не возвращаются. Система просто стирает вас из реальности.

В кабинете повисла тишина. Я слышала только своё дыхание и мерное гудение светящихся шаров под потолком.

— Сколько платят? — спросила я.

Фредрик посмотрел на меня с выражением, в котором, кажется, впервые за весь разговор промелькнуло что-то вроде уважения.

— Ставка младшего сотрудника третьего ранга, — сказал он. — Пятнадцать альдов в декаду плюс питание и проживание в общежитии для персонала.

— Я не знаю, что такое альды.

— Примерно соответствует покупательной способности трёхсот ваших... рублей, кажется? — он вопросительно поднял бровь.

Триста рублей. В пятнадцать раз меньше, чем минималка в моём мире. Я подавила желание возмутиться — не время было торговаться, когда на кону стояла возможность быть стёртой из реальности.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Фредрик кивнул, словно не сомневался в ответе. Он подошёл к столу, сгрёб с него часть бумаг, освобождая место, и выдвинул ящик. Оттуда он извлёк стопку бланков — плотных, желтоватых, с какими-то водяными знаками, которые мерцали при свете.

— Заполните, — он положил бланки передо мной. — Здесь всё стандартно: имя, возраст, мир происхождения, магический статус. Если не знаете, что писать — оставляйте пустым, я потом проверю.

Я взяла бланк. В верхнем углу была печать — тот же символ, что и на нашивках Фредрика, звезда, перечёркнутая молнией. Текст был написан на двух языках: один — тот, что на экране, с завитушками, второй — на удивление знакомый.

— Это латынь? — удивилась я.

— Стандартный межмировой диалект, — ответил Фредрик. — Основан на древних языках вашей группы миров. Читать умеете?

— Ну... кое-что, — я напрягла память. Школьная латынь, медицинский курс для социологов (не спрашивайте, зачем социологам латынь, я сама не знала) — в голове всплыли какие-то обрывки. — «Имя», «возраст»... тут какое-то слово про «источник»?

— Мир происхождения, — поправил Фредрик. — Пишите «Земля, третья от солнца, сектор 734-Бета». Я продиктую, а вы записывайте.

Он продиктовал мне длинную строку символов, которую я механически переписала в бланк. Потом возраст, пол, образование (тут я написала «неоконченное высшее», хотя сомневалась, что это слово существует в их словаре), семейное положение, наличие магических способностей.

— Нулевой носитель, — сказал Фредрик, когда я дописала последний пункт. — Как я и думал.

— Это плохо?

— Это... специфично. Вам будет сложнее адаптироваться, но в моём отделе это даже плюс. Магия здесь работает по своим законам, а нулевые носители видят структуру заклинаний иначе. Может пригодиться.

Я закончила заполнять бланки. Фредрик забрал их, быстро просмотрел, поставил где-то печать (я даже не заметила, откуда у него взялся штамп — просто щёлкнул пальцами, и на бумаге появился оттиск) и сложил в отдельную папку.

— Всё, — сказал он. — Теперь вы — временный сотрудник Управления по контролю за межмировыми аномалиями. Ваше рабочее место у входа, — он указал на маленький столик в углу кабинета, заваленный ещё большим количеством бумаг, чем его собственный стол. — В ящике найдёте канцелярские принадлежности. Кофе — чёрный, без сахара. Я пью в семь утра, в час дня и в семь вечера. Если опоздаете с кофе хотя бы на минуту, я буду вынужден сделать вам выговор.

Я открыла рот, чтобы сказать, что я вообще-то студентка-социолог, а не его личная прислуга, но он поднял руку.

— Приступайте... сейчас, — закончил он фразу, которая, как я поняла, была его коронной. — У меня на столе двести тридцать семь необработанных запросов, и я не собираюсь ждать, пока вы освоитесь. Грета придёт через час, она покажет вам, где что лежит. А пока — разберите входящие.

— Какие входящие? — растерянно спросила я.

Фредрик указал на стопку бумаг на моём столе.

— Те, что лежат слева — запросы от граждан. Те, что справа — от организаций. Те, что в центре — срочные. Если не знаете, что делать с запросом, откладывайте в нижний ящик, я посмотрю вечером. И, — он помедлил, — уберите это.

Он кивнул на мою руку. Я опустила взгляд и только сейчас заметила, что всё ещё держу шаурму. Свёрток успел остыть, лаваш размяк, а соус начал просачиваться сквозь салфетку и капать на пол.

— А что с ней делать? — спросила я.

— Выбросите, — сказал Фредрик. — Это артефакт незаконного перемещения. Подлежит уничтожению.

Я посмотрела на шаурму. Потом на Фредрика. Потом снова на шаурму.

— Я заплатила за неё пятьсот рублей, — сказала я. — Последние деньги.

Фредрик закатил глаза. Этот жест был настолько универсальным, что даже в другом мире я его прекрасно поняла.

— Ешьте, — сказал он. — Но только не на рабочем месте. В коридоре есть небольшая комната отдыха. Пять минут.

Я не заставила себя просить. Вышла в коридор — длинный, с высокими окнами, за которыми было темно (или это было не окно, а экран? Я не стала вникать), нашла дверь с табличкой «Комната отдыха персонала» и ворвалась туда, как в спасительную гавань.

Там был стол, стул, раковина и какой-то агрегат, похожий на кофеварку, но с гораздо большим количеством лампочек. Я села на стул, развернула шаурму и вонзила в неё зубы.

Она была холодной, лаваш размок, капуста обвисла. Но я ела и чувствовала, как к жизни возвращается не только моё тело, но и мой разум.

Я — Екатерина, студентка-социолог, двадцать один год, из города N, где сейчас, наверное, три часа ночи, и моя соседка Катя уже досматривает второй сон, не подозревая, что я нахожусь в другом мире, работаю секретарём в каком-то управлении по аномалиям, и мой новый начальник — мрачный тип, который пьёт чёрный кофе без сахара и смотрит на меня, как на очередную проблему, свалившуюся ему на голову.

Я доела шаурму, выбросила обёртку в урну (урна, кстати, оказалась зачарованной — она сама открыла крышку и тихонько пикнула, когда я бросила мусор), умылась холодной водой из крана и посмотрела на себя в зеркало.

В зеркале отражалась девушка с длинными светлыми волосами, в которых запуталась капуста, в свитере, заляпанном чесночным соусом, с красными от недосыпа глазами и выражением полной растерянности на лице.

— Ты справишься, — сказала я своему отражению. — Ты учишься на социолога. Ты умеешь работать с людьми. Ну, с не-людьми. Ну, с какими-то существами. В конце концов, это просто работа секретарём. Какая разница, в каком мире заполнять бланки?

Отражение смотрело на меня с глубоким скептицизмом.

Я вытащила из волос капусту, отряхнула свитер (соус, кажется, вьелся навсегда), глубоко вздохнула и вернулась в кабинет.

Фредрик сидел за своим столом и что-то писал. Он даже не поднял головы, когда я вошла, только бросил:

— Ваше рабочее место там. Начните с запросов слева. Если не знаете, что делать — спросите у Греты, она придёт с минуты на минуту.

Я села за свой стол, с ужасом посмотрела на гору бумаг и взяла первый лист.

На нём было написано (слава латыни, я хотя бы понимала отдельные слова): «Жалоба на самовозгорание дров в камине. Прошу признать дрова некачественными и выплатить компенсацию».

Я повертела лист в руках, посмотрела на Фредрика, который, казалось, забыл о моём существовании, и тихонько вздохнула.

— Ладно, — прошептала я. — Приступаем.

И в этот момент за дверью раздался оглушительный грохот, дверь слетела с петель, и в кабинет влетело нечто, что я сначала приняла за танк, а потом разглядела маленькую, коренастую женщину с рыжей бородой (бородой!) и руками, похожими на кузнечные молоты.

— Фредрик! — заорала она голосом, способным пробить бетонную стену. — Там в портовом зале такое творится! Опять эти драконы! Я им говорю — нельзя превращаться в черте города! А они...

Она увидела меня. Замерла. Медленно перевела взгляд с моих волос с остатками капусты на пятно от соуса на свитере и, наконец, на моё лицо.

— Это ещё что? — спросила она у Фредрика, не отводя от меня глаз.

— Новая секретарша, — ответил Фредрик, не поднимая головы. — Екатерина. Временно. Присматривайте за ней, Грета.

— Секретарша, значит, — Грета подошла ко мне, обошла вокруг, как цирковую лошадь, и хмыкнула. — Худенькая. Бледная. Волосы длинные — в машинку затянет. Справится?

— У неё нет выбора, — сказал Фредрик.

Грета хмыкнула ещё раз, потом вдруг улыбнулась. Улыбка у неё была широкая, добродушная, совершенно не вяжущаяся с её боевым видом.

— Ладно, — сказала она. — Пошли, Екатерина. Покажу тебе, где тут что. И расскажу, как с этими бумажками работать. А то наш начальник, — она понизила голос до имитации шёпота, которую было слышно, наверное, в соседнем здании, — он по документам мастер, а объяснять никому ничего не умеет.

— Грета, — сказал Фредрик. — Драконы.

— А, да! — Грета хлопнула себя по лбу. — Драконы! Ну, пошли, Екатерина, заодно посмотришь, как мы тут работаем. Первое правило нашего отдела — никогда не кормить дракона. Особенно если он в человеческой форме и клянётся, что просто хочет перекусить.

Она схватила меня за руку — её ладонь была горячей и жёсткой, как наждачная бумага — и потащила к выходу.

Я бросила последний взгляд на Фредрика. Он наконец поднял голову и посмотрел на меня. В его тёмных глазах не было ни надежды, ни жалости, ни даже простого человеческого участия. Была только усталость и, кажется, лёгкое любопытство — как у человека, который смотрит на часовой механизм с неизвестными деталями и пытается понять, взорвётся он или просто сломается.

— Удачи, Екатерина, — сказал он. — Она вам понадобится.

И снова опустил голову к бумагам.

Грета вытащила меня в коридор, и я успела заметить только высокий потолок, светящиеся шары и дверь с табличкой, на которой было написано: «Управление по контролю за межмировыми аномалиями. Начальник отдела — Ф. Хальден».

А потом дверь захлопнулась, и я осталась в коридоре с бородатой женщиной, которая тащила меня смотреть на драконов, в то время как где-то там, в моём мире, наверное, уже светало, и мои соседки просыпались к первой паре, не зная, что я только что начала новую жизнь в должности секретаря начальника отдела межмировых аномалий, с испытательным сроком, о котором я не просила, и без единого шанса на возвращение, по крайней мере в ближайшее время.

— Не бойся, — сказала Грета, заметив моё выражение лица. — Драконы на самом деле безобидные. Только громкие. Как наш начальник, когда ему кофе вовремя не подают.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— А что, он правда такой строгий? — спросила я.

Грета хмыкнула.

— Строгий? Да он просто душка, если его разговорить. Проблема в том, что разговорить его может только тот, кто готов слушать его монологи о заполнении формы 13-Б семь часов подряд. — Она подмигнула. — Но ты, я смотрю, девушка сообразительная. Разберёшься.

— Я социолог, — сказала я, и это прозвучало так глупо в контексте драконов и межмировых аномалий, что я сама рассмеялась. — То есть я умею работать с людьми. Ну, с... неважно.

— Социолог, значит, — Грета посмотрела на меня с интересом. — А я гном. Грета Скалогорн, курьер и главный специалист по вытаскиванию нашего отдела из задницы. Добро пожаловать, Екатерина. Надеюсь, ты удержишься дольше, чем прошлая секретарша.

— А сколько она продержалась?

— Три года, — сказала Грета. — Но она хотя бы умела читать.

Я промолчала. О том, что мои навыки чтения на местном диалекте ограничиваются отдельными словами, я решила сообщить позже. Когда меня не будут тащить смотреть на драконов, которые, судя по звукам, доносящимся из конца коридора, уже начали что-то крушить.

Впереди раздался оглушительный рёв, и Грета радостно оскалилась.

— А вот и они! — сказала она. — Пошли, Екатерина. Покажу тебе, как мы тут работаем. Это тебе не в твоём мире анкеты заполнять.

И мы побежали по коридору навстречу рёву, грохоту и, как я подозревала, очередной порции приключений, о которых я не просила, но которые, видимо, только что стали моей новой жизнью.

Вот так, с шаурмой в руке и капустой в волосах, я, Екатерина, студентка-социолог третьего курса, стала секретарём начальника Управления по контролю за межмировыми аномалиями города Альдегарда.

Позже, когда я лучше узнала этот мир и его обитателей, я часто думала о том, что моя научная специальность оказалась не такой уж бесполезной. Социология — это наука о закономерностях, а в мире, где пространство складывается гармошкой от неправильной шаурмы, а драконы требуют компенсацию за моральный ущерб от несвоевременной подачи отчётов, эти закономерности были особенно ценны.

Но в тот момент я не думала ни о науке, ни о закономерностях. Я думала только о том, что мой новый начальник — самый мрачный человек (или кто он там был) из всех, кого я встречала, что моя коллега — гном с бородой и характером бульдозера, а на меня летит дракон, который, судя по всему, недоволен тем, что ему отказали в обеде.

— Грета! — заорала я, уворачиваясь от огненного шара. — Какое второе правило нашего отдела?!

— Второе? — Грета ловко перехватила дракона за хвост и швырнула в стену. — Второе правило — не злить начальника!

— А если начальник уже злой?!

— Тогда третье правило! — Грета рассмеялась. — Третье правило — делай то, что должна, и будь что будет!

Я посмотрела на дракона, который снова поднимался на ноги, на Грету, которая разминала кулаки, и вдруг поняла, что улыбаюсь.

— Ладно, — сказала я. — Будь что будет.

И шагнула вперёд.

За спиной, где-то в глубине коридора, хлопнула дверь кабинета начальника. Фредрик вышел на шум, держа в руке чашку с кофе. Увидел меня, стоящую напротив дракона, поднял бровь и, вместо того чтобы вмешаться, просто прислонился к стене и сделал глоток.

В его глазах мелькнуло то самое любопытство — смешанное с чем-то ещё, чему я тогда не смогла дать название.

— Посмотрим, — сказал он тихо, так, что я едва расслышала. — Посмотрим, что из вас выйдет, Екатерина из мира, где шаурма открывает порталы.

А потом дракон взревел, и мне стало не до наблюдений за начальником.

Так началась моя история в мире, где отчёты горят, порталы барахлят, а любовь, как выяснилось позже, приходит не с цветами и конфетами, а с неправильно заполненной формой 13-Б и чашкой чёрного кофе без сахара, поданной ровно в семь утра.

Но об этом я узнала гораздо позже.

А пока — я просто была секретарём. С испытательным сроком. И без права на ошибку.

Впрочем, как выяснилось, право на ошибку в моём новом отделе было у всех. Даже у начальника.

Особенно у начальника.

Глава 1

Первый рабочий день в другом мире начинается с того, что ты просыпаешься в комнате, которая пахнет плесенью, старыми бумагами и чем-то неуловимо чужим. Это «чем-то» нельзя описать словами — скорее, это ощущение, что сам воздух здесь имеет другую плотность, другую температуру, другую душу. Ты вдыхаешь его, и он не хочет входить в лёгкие, сопротивляется, будто спрашивает разрешения: «Ты точно здесь будешь дышать? Не передумала?»

Я не передумала. У меня не было выбора.

Общежитие для персонала Управления располагалось в подвальном этаже того же здания, где находился и наш отдел. Грета — та самая гномка с бородой и характером бульдозера — привела меня сюда вчера после эпопеи с драконом (которого мы в итоге успокоили, и нет, я не буду вдаваться в подробности, потому что воспоминание о том, как я уговаривала разумное огнедышащее существо заполнить бланк жалобы, до сих пор вызывает у меня нервную икоту).

— Здесь будешь жить, — сказала Грета, открывая дверь ключом, который выглядел как кусок горной породы с вкраплениями рубина. — Комнатка маленькая, но чистая. Предыдущая жиличка, Линда, уехала с караванщиками, так что всё свежее. Бельё в шкафу, вода в кувшине — не спрашивай, откуда она там берётся, сама не знаю. Если будет нужна горячая, скажешь стене «Агни», она нагреется. Но не громко, а то стена обидчивая.

— Стена обидчивая, — тупо повторила я.

— Ага, — Грета кивнула с серьёзным видом. — Прошлый парень, что здесь жил, орал на неё матом, так она месяц не грела воду. Пришлось ему в ледяной мыться. Ну, бывай. Завтра в восемь у тебя первая смена. Фредрик не любит, когда опаздывают.

Она ушла, оставив меня посреди комнаты с кувшином воды, кроватью, застеленной серым шерстяным одеялом, и стеной, которая, по всей видимости, обладала не только чувствами, но и способностью регулировать температуру.

Я села на кровать, и она жалобно скрипнула. Пружины впились в бёдра через тонкий матрас. Я посмотрела на потолок — там не было светящихся шаров, как в кабинете Фредрика, только тусклая лампа в железном плафоне, которая мерцала с интервалом примерно раз в три секунды, словно подмигивая мне.

В кувшине действительно была вода. Я налила её в кружку — керамическую, грубой обжига, с трещиной на ручке — и сделала глоток. Вода была странной. Не холодной и не горячей, не кислой и не сладкой, а какой-то... стоячей. Как будто её набрали из пруда, в котором никто не жил, но который помнил, что когда-то здесь была жизнь.

Я легла, даже не раздеваясь. Свитер всё ещё был в пятнах от соуса, волосы пахли драконьим дымом и капустой, но у меня не было сил ни на что. Я закрыла глаза и попыталась представить, что сейчас происходит в моём мире.

Наверное, уже утро. Соседка Катя проснулась, увидела пустую кровать и решила, что я ушла в библиотеку. Преподаватель по истории социальных учений, наверное, уже выставил оценки тем, кто пришёл на экзамен. Моё имя в списке, наверное, обвели красным. «Не явилась». Потом поставят «неуд», потом отчисление, потом...

Я резко села.

Нет. Нельзя об этом думать. Нельзя думать о том, что моя жизнь там закончилась, потому что иначе я просто сойду с ума. Нужно думать о том, что здесь. О работе. О Фредрике, который смотрит на меня, как на досадное недоразумение. О Грете, которая, кажется, единственная здесь относится ко мне по-человечески. Ну, по-гномьи. О драконах, которые требуют заполнить бланк жалобы.

Я легла обратно и уставилась в мерцающий потолок.

— Ты справишься, — прошептала я стене. — Ты социолог. Ты умеешь адаптироваться.

Стена не ответила. Но через минуту лампа перестала мерцать и загорелась ровным светом. Я не знаю, было ли это совпадением или стена действительно решила меня подбодрить, но мне стало чуточку легче.

Я уснула под утро, и мне снились папки. Миллионы папок, которые летали по воздуху, складывались в башни и падали, рассыпаясь на тысячи бумажек. А посреди этого хаоса стоял Фредрик с чашкой кофе и смотрел на меня с выражением, которое я никак не могла расшифровать.

Утром меня разбудил голос. Не голос — гудение. Низкое, вибрирующее, от которого задребезжала кружка на тумбочке.

— Восемь часов, — сказал гудящий голос. — Персоналу третьего ранга приступить к исполнению обязанностей.

Я открыла глаза. Комната была залита неестественно-белым светом — лампа, которая вчера мерцала, теперь горела на полную мощность, и от этого всё выглядело стерильным и чужим.

— Выключись, — прохрипела я, прикрывая глаза рукой.

Лампа мигнула раз, другой, потом свет стал мягче, приобрёл желтоватый оттенок. Стена, кажется, поняла.

Я села на кровати, чувствуя, что каждый мускул болит так, будто я вчера разгружала вагоны. Хотя, если честно, я вчера почти так и делала — только вместо вагонов был дракон, а вместо угля — бланки жалоб.

В кувшине снова была вода. Свежая, холодная, с каким-то мятным привкусом. Я умылась, глотнула, попыталась привести волосы в порядок. Расчёски у меня не было, но в шкафу нашлась деревянная гребёнка с редкими зубьями. Когда я провела ею по волосам, из них посыпалась капуста. Настоящая, физическая капуста, которую я вчера не вытряхнула до конца.

— Прекрасно, — сказала я своему отражению в мутном зеркале на дверце шкафа. — Просто прекрасно. Ты — секретарь в магической конторе, у тебя в волосах капуста, и твой начальник уже считает тебя некомпетентной.

Отражение смотрело на меня с таким же выражением безнадёги, что и вчера.

Я кое-как заплела волосы в косу, отряхнула свитер (соус, кажется, вёлся окончательно, и теперь на серой ткани красовалось жёлтое пятно в форме Австралии), надела единственную сменную футболку, которую нашла в шкафу (она была велика размера на три и пахла кемо-то чужим, возможно, той самой Линдой, которая сбежала с караванщиками), и вышла в коридор.

Коридоры Управления в утреннем свете выглядели почти красиво. Почти. Высокие сводчатые потолки, стены из тёмного камня, в котором поблёскивали золотистые прожилки, и окна — огромные, во всю стену, с толстыми стеклянными рамами, за которыми открывался вид на город.

Альдегард.

Я остановилась у окна и забыла о времени.

Это был не город. Это был организм. Живой, дышащий, пульсирующий энергией, которая перетекала из одной его части в другую, как кровь по сосудам.

Внизу, насколько хватало глаз, простирались крыши — черепичные, сланцевые, какие-то живые, поросшие мхом и, кажется, светящиеся изнутри. Между ними вились узкие улочки, по которым двигались люди (или не-люди, я пока не разбиралась), а над ними, в воздухе, плыли экипажи.

Летающие экипажи.

Они были разными — от скромных одноместных колясок, похожих на перевёрнутые корзинки, до огромных карет, запряжённых чем-то, что издалика напоминало лошадей, но точно ими не было, потому что лошади не светятся в темноте и не оставляют за собой шлейфа искр.

А ещё были вывески. Магические неоновые вывески. Они висели над каждой дверью, над каждой витриной, над каждым перекрёстком. Они горели всеми цветами, на которые только способен человеческий глаз, и ещё несколькими, для которых у меня не было названий. «Травы и зелья», «Артефакты для дома», «Порталы в Нижние миры — быстро, дёшево, без очереди». Последнее показалось мне особенно подозрительным. Везде, где обещают «без очереди», обычно происходит что-то незаконное.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и почувствовала, как глаза зашипало.

Этот город был невероятным. Чужим, невозможным, но невероятным. Если бы я увидела его в кино или на картинке, я бы сказала: «Как красиво». Но я видела его в реальности, и от этого красота была невыносимой, потому что она была не моей. Я была здесь чужой. Посторонней. Капустой в волосах, которую никто не вытряхнул.

— Екатерина!

Голос Фредрика вырвал меня из созерцания. Я обернулась и увидела его в конце коридора — высокий силуэт на фоне светящейся вывески с названием отдела. Он был в том же тёмно-синем мундире, что и вчера (или в таком же, я не уверена), с чашкой кофе в руке, и выражение его лица не сулило ничего хорошего.

— Вы опоздали, — сказал он, когда я подошла. — На три минуты.

— Я... засмотрелась, — кивнула я на окно.

Фредрик проследил за моим взглядом и поморщился, словно вид города вызывал у него головную боль.

— Альдегард красив только издалека, — сказал он. — Вблизи это бюрократическая помойка, в которой каждый второй норовит обмануть систему, а каждый первый — вас лично. Заходите. Работы много.

Он развернулся и пошёл по коридору, не оглядываясь. Я поспешила за ним, чувствуя себя провинившейся школьницей.

Кабинет начальника отдела межмировых аномалий выглядел ещё хуже, чем вчера. При дневном свете (если свет от светящихся шаров можно было назвать дневным) все его недостатки стали видны особенно отчётливо.

Во-первых, пыль. Она была везде — на стеллажах, на папках, на подоконнике, на столе Фредрика и, конечно, на моём столе. Толстым слоем, серой, пушистой, какой-то агрессивной пылью, которая, казалось, сама набрасывалась на любую поверхность, стоило ей остаться без присмотра хотя бы на минуту.

Во-вторых, папки. Их было не просто много — их было катастрофически много. Они лежали на столах, на стульях, на полу, на подоконнике, на стеллажах (которые, судя по прогнувшимся полкам, давно требовали замены). Некоторые папки были открыты, и из них торчали бумаги, другие были закрыты на тугие завязки, третьи — запечатаны сургучом с какими-то символами.

И в-третьих, звуки. Кабинет Фредрика был живым. Я не сразу это поняла, но через минуту пребывания внутри начала различать странный, едва уловимый шёпот. Он доносился отовсюду — из папок, из ящиков стола, даже из стен.

— Что это? — спросила я, оглядываясь.

— Папки жалуются, — ответил Фредрик, не поднимая головы. Он уже сидел за своим столом и что-то писал, делая вид, что меня не существует. — Если их неправильно положить, они начинают шуршать. Если перепутать местами — кричат. Если положить вверх ногами — плачут. Предыдущая секретарша научилась определять их настроение по тону шёпота. Вам тоже придётся.

— Папки... плачут?

— Образно выражаясь. Скорее, издают звуки, похожие на плач. Это связано с магическим полем документов. Каждый отчёт, каждое заявление, каждая жалоба содержит частичку

эмоций заявителя. Со временем эти эмоции накапливаются, и папки начинают их транслировать. Отсюда шёпот, крики и прочее.

Я посмотрела на ближайшую папку. Она была коричневой, потрёпанной, с надписью на уже знакомом мне языке. Папка молчала. Но когда я протянула руку, чтобы её взять, она вдруг издала тонкий, жалобный звук, похожий на скрип половицы.

— Не трогайте, — сказал Фредрик. — Это архивные материалы за прошлый год. Они нервные. С них и начнём.

— С архивных материалов?

— С сортировки входящих жалоб, — поправил он. — Грета говорила вам, где что лежит?

— Нет, мы... мы сразу пошли к дракону.

Фредрик вздохнул. Этот вздох был красноречивее любой лекции.

— Значит, так. Ваше рабочее место — у входа, — он указал на столик, который вчера был завален бумагами, а сегодня, кажется, обзавёлся новыми слоями. — Сегодня ваша задача — разобрать входящие жалобы на бытовые магические помехи. Это самые простые документы. Вам нужно прочитать жалобу, определить её категорию — бытовая, коммерческая или криминальная — и положить в соответствующую папку. Жёлтая папка — бытовые, синяя — коммерческие, красная — криминальные. Всё понятно?

— Понятно, — сказала я, хотя на самом деле поняла только про цвет папок.

— Тогда приступайте. Я буду у себя. Если возникнут вопросы — спросите у Греты. Она придёт через час.

Фредрик снова уткнулся в свои бумаги, и я поняла, что аудиенция окончена.

Я подошла к своему столу и с ужасом уставилась на гору документов. Это была не гора. Это был Эверест. Джомолунгма из бумаги, сургуча и чьих-то эмоций.

— Ну, — сказала я себе, — начинаем.

Первые полчаса прошли на удивление спокойно. Я брала верхний документ (плотный лист пергамента, исписанный витиеватым почерком), пыталась разобрать написанное, определяла по ключевым словам категорию и клала в нужную папку. Жалобы были... забавными.

«Мой котел перестал греть воду по утрам, — читала я. — Вместо горячей воды он выдает мыльные пузыри. Прошу проверить, не нарушена ли магическая сеть в моем доме».

«Соседская драконья пальма (Дракон-змея) проросла сквозь стену в мою спальню и каждую ночь издает звуки, похожие на храп. Требую компенсацию за моральный ущерб и удаление растения».

«Мой фамилляр — кот по кличке Барон — научился открывать порталы в холодильник. Теперь еда пропадает необъяснимым образом. Прошу запечатать порталный фон в моей квартире».

Бытовая, бытовая, коммерческая? Я задумалась. Пропажа еды из холодильника — это, наверное, всё-таки бытовая. Положила в жёлтую папку.

В какой-то момент я почувствовала, что процесс вошёл в колею. Рука привыкла перекладывать документы, глаза — выхватывать знакомые слова, мозг — автоматически сортировать. Я даже начала напевать что-то себе под нос — кажется, «Спят усталые игрушки», детская колыбельная, которая почему-то всплыла в памяти.

И в этот момент я заметила артефакт.

Он стоял на краю моего стола, прикрытый стопкой бумаг. Небольшой, размером с кулак, предмет из тёмного металла, покрытый замысловатыми узорами. Сверху у него была круглая кнопка, а по бокам — несколько гнезд, похожих на разъёмы.

Я взяла его в руки. Металл был тёплым, почти горячим, и когда мои пальцы коснулись узоров, они засветились тусклым красным.

— Ой, — сказала я.

Артефакт пискнул. Красный свет сменился зелёным, и из гнёзд вырвались тонкие нити, которые потянулись к моим пальцам, обвили их и... я нажала на кнопку.

Я не хотела её нажимать. Мои пальцы сами это сделали. Или артефакт заставил их. Или мне просто было интересно, что будет.

В общем, кнопка нажалась.

И мир вокруг меня взорвался звуком.

Голос — громкий, хриплый, с каким-то металлическим оттенком — заговорил прямо у меня в голове. Или из артефакта. Или отовсюду сразу.

— — связь! Наконец-то! Слушай, я уже думал, вы там все вымерли! Где вас носило целую декаду?! У меня тут товар залежался, болотная слизь первого сорта, свежая, прямо с утра собрал! Берёшь?

Я замерла, не в силах вымолвить ни слова.

— Аллю? — голос стал тревожным. — Есть кто? Я слышу, что есть! Дыхание там, шуршание. Ты кто? Секретарша? Новая? Ну, давай, не тормози. Слизь нужна? Могу с доставкой, могу самовывозом. Цена договорная. Если берёшь оптом — скидка десять процентов.

— Я... — мой голос прозвучал пискляво и неуверенно. — Я не знаю...

— Чего не знаешь? Слизь не знаешь? Хороший товар! Болотная, чистая, без примесей. Для зелий, для артефактов, для удобрения драконьих палм — всё подойдёт! Ты хоть спроси у своего начальника, он знает!

— Я не могу...

— Да что ты за секретарша, если ничего не можешь?! — голос возмутился. — Ладно, давай по-другому. Бери десять литров на пробу. Если понравится — потом закажешь. Только быстро, у меня ещё контракт с Торговым домом висит, но тебе, как своим, отдам дёшево. Десять литров за пять альдов. Идёт?

Я судорожно пыталась сообразить, что делать. Отключить артефакт? Как? Я уже нажала кнопку, но она, кажется, не была кнопкой включения-выключения. Скорее, кнопкой вызова. А как выключить — непонятно.

— Я... я перезвоню, — сказала я.

— Перезвонит она! — голос разозлился окончательно. — Ты что, издеваешься? Я тут стою, связи жду, портал держу открытым, а ты мне — перезвоню?! Ты вообще знаешь, сколько стоит поддерживать межмировой канал? Это тебе не по базару с лотком торговать!

— Извините, — пролепетала я. — Я правда не могу сейчас. Я только первый день...

— Первый день?! — голос перешёл на ультразвук. — Первый день, а уже артефакт связи активировала?! Это же закрытый канал для согласованных поставок! Ты как на него вышла?! Я посмотрела на артефакт, который теперь светился ярко-красным и, кажется, вибрировал. Нити, опутавшие мои пальцы, стали горячими.

Я случайно, — прошептала я.

— СЛУЧАЙНО?! — голос сорвался на крик. — Да я сейчас...

Дальнейшее произошло так быстро, что я не успела ничего понять.

Чья-то рука — сильная, с длинными пальцами — выхватила артефакт у меня из рук. Я подняла голову и увидела Фредрика. Он стоял надо мной, и выражение его лица заставило меня мгновенно забыть все слова, которые я знала.

Это было не раздражение. Это было что-то пострашнее. Спокойная, холодная ярость, которая не кричит, не топает ногами, а просто... замораживает всё вокруг.

— Хальден слушает, — сказал Фредрик в артефакт.

Голос на том конце резко сменил тон. Из возмущённо-истеричного он стал подобострастно-сладким.

— Господин начальник! Какая честь! Я не знал, что это ваш... то есть, я хотел сказать...

— Вы хотели сказать, что используете закрытый канал связи Управления для нелегальной торговли болотной слизью? — уточнил Фредрик. Его голос был спокоен. Спокойствие это было страшнее любого крика.

— Нелегальной? Что вы, господин начальник! У меня все разрешения, все лицензии! Я просто...

— Вы просто связались с сотрудницей, которая не уполномочена вести переговоры о закупках, и пытались продать ей товар, не имея на руках официального договора. Это нарушение статей 45, 67 и 128 Кодекса межмировых торговых отношений. Вам напомнить содержание этих статей?

— Не надо, господин начальник! Я... я понял свою ошибку! Больше такого не повторится!

— Уверен, что не повторится, — сказал Фредрик. — Потому что я отправляю запрос на проверку ваших лицензий. Если они в порядке — мы просто забудем этот разговор. Если нет — вы будете иметь дело не со мной, а с налоговым управлением. Всего доброго.

Он нажал на кнопку (на этот раз правильно, потому что артефакт погас и нити, опутавшие мои пальцы, опали, как сухие листья) и положил его на стол.

Повисла тишина. Я слышала только своё сердце, которое колотилось где-то в горле, и шёпот папок, которые, казалось, притихли, чувствуя настроение начальника.

— Екатерина, — произнёс Фредрик. Медленно. Разделяя слоги. — Что это было?

— Я... случайно...

— Случайно, — повторил он. — Случайно вы взяли в руки артефакт связи закрытого канала, который находится на вашем столе, потому что его забыла убрать предыдущая секретарша. Случайно нажали на кнопку активации. Случайно вышли на связь с хаотитом, который уже полгода пытается впарить нам болотную слизь, хотя мы ей не пользуемся уже три года, потому что она оставляет на артефактах несмываемый налёт.

Он замолчал. Я молчала тоже, потому что сказать было нечего. Всё, что он перечислил, было правдой.

— Вы знаете, что сделал хаотит? — спросил Фредрик. — Он использовал момент активации, чтобы зафиксировать нашу сеть. Теперь он знает частоты нашего канала и будет пытаться влезть в него снова и снова. Мне придётся подавать заявку на смену шифрования. Это займёт три дня. Три дня, Екатерина, наш отдел будет без защищённой связи. Если за это время случится что-то серьёзное — аномалия высокого уровня, прорыв портала, вторжение — мы не сможем вызвать подкрепление. Потому что вы случайно нажали на кнопку.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног. В прямом смысле — ноги стали ватными, и я опустилась на стул, потому что стоять больше не могла.

— Я не знала, — прошептала я. — Я правда не знала. Я увидела какой-то предмет, взяла его в руки, и...

— И не спросили, что это, — закончил Фредрик. — Не спросили у меня, не спросили у Греты, не спросили ни у кого. Просто взяли и нажали.

Он отвернулся к окну и замолчал. Я смотрела на его спину — прямую, напряжённую, и чувствовала себя последней идиоткой.

— Я... — начала я.

— Не надо, — перебил он, не оборачиваясь. — Извинения не исправят ситуацию. Смена шифрования — это не просто заявка. Это проверка всего отдела, это допросы, это бумаги, которые мне придётся подписывать вместо того, чтобы заниматься реальной работой.

Он повернулся, и в его глазах я увидела не злость. Разочарование. Как у учителя, который поставил на ученика, а ученик списал контрольную.

— Я понимаю, что вы в этом мире впервые, — сказал Фредрик. — Я понимаю, что вы не знаете наших правил, наших артефактов, наших процедур. Но я ожидал, что у вас хватит

хотя бы базового здравого смысла, чтобы не трогать незнакомые предметы в незнакомом месте. Особенно в кабинете, где всё, буквально всё, может быть магическим и потенциально опасным.

Он сел за свой стол, открыл какую-то папку и, не поднимая глаз, добавил:

— Продолжайте разбирать жалобы. И больше ничего не трогайте. Ничего, Екатерина. Даже ручку. Если вам понадобится что-то взять в руки — спросите сначала у меня. Вопросы есть?

— Нет, — прошептала я.

— Хорошо. Работайте.

Он снова уткнулся в бумаги, и я поняла, что разговор окончен.

Я сидела за своим столом, смотрела на гору жалоб, и чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Я не плакала. Я не буду плакать. Я взрослый человек, я социолог, я...

Я взяла верхнюю жалобу. «У меня в подвале завелась призрачная плесень. Она ест мои запасы солений и по ночам поёт песни. Прошу прислать специалиста».

Бытовая. Жёлтая папка.

Я положила жалобу в папку. Взяла следующую. «Мой летающий ковёр отказывается летать по утрам, ссылаясь на недостаточную освещённость. Требую проверить магический фон в районе».

Бытовая. Жёлтая папка.

Следующая. «Соседка-эльфийка запустила в моём саду поющую акацию. Дерево поёт круглосуточно, мешает спать. Прошу выдать ордер на вырубку».

Тоже бытовая. Жёлтая папка.

Я работала механически, стараясь не думать о том, что произошло. Не думать о хаотите, который теперь знает наши частоты. Не думать о смене шифрования. Не думать о взгляде Фредрика — холодном, разочарованном, как у человека, который уже поставил на мне клеймо «некомпетентна» и, кажется, не собирается его снимать.

Через час пришла Грета. Она влетела в кабинет с коробкой в руках, громко топая своими короткими, но мощными ногами.

— Фредрик! Я принесла! — заорала она. — Те формы, что ты просил! Типография наконец-то напечатала, представляешь? Я им говорю: «Где формы?», а они: «Бумага закончилась». Какая бумага?! Мы им заказ месяц назад оплатили! Короче, пришлось постучать кулаком по столу, и бумага нашлась. Волшебнo, да?

Фредрик поднял голову. Посмотрел на Грету, потом на меня. Грета проследила за его взглядом и нахмурилась.

— Что случилось? — спросила она. — У тебя вид такой, будто ты кофе без сахара выпил, а оказалось, что с сахаром.

— Екатерина активировала артефакт связи, — сказал Фредрик. — Выходила на хаотита. Того самого, со слизью.

Грета уставилась на меня. В её глазах промелькнуло что-то — удивление? сочувствие? — но быстро исчезло, сменившись обычной деловитостью.

— Ну, бывает, — сказала она. — Линда в первую неделю вообще архив спалила. Буквально. Огнём. А этот артефакт она, кстати, должна была убрать, да всё руки не доходили. Так что это не только её вина.

— Я не говорю о вине, — ответил Фредрик. — Я говорю о том, что теперь нам нужно менять шифрование.

— Ну, сменим, — пожала плечами Грета. — Не в первый раз. Помнишь, когда драконы наши частоты взломали и устроили аукцион по продаже секретных документов? Мы тогда за неделю справились.

— Это было три года назад, и тогда у нас был штат из десяти человек, а сейчас — ты, я, эльф-архивариус, который появляется раз в месяц, и секретарша, которая случайно нажимает на кнопки.

— Секретарша, которая учится, — поправила Грета. Она подошла к моему столу и положила коробку с формами. — Екатерина, не переживай. Фредрик злой, но отходчивый. Завтра уже забудет.

— Я не забываю, — сухо сказал Фредрик.

— Знаю, — Грета усмехнулась. — Поэтому ты такой хороший начальник. И поэтому у тебя до сих пор нет личной жизни.

Фредрик бросил на неё короткий взгляд, от которого, я уверена, любой нормальный человек должен был съёжиться. Грета только хмыкнула.

— Ладно, — сказала она. — Екатерина, пойдём со мной. Покажу тебе, как эти формы заполнять. А ты, Фредрик, выпей кофе. У тебя вена на лбу пульсирует. Это нездорово.

Она схватила меня за руку и потащила к выходу. Я бросила последний взгляд на Фредрика. Он сидел за столом, сжимая в пальцах ручку, и смотрел на бумаги перед собой, но я видела, что он не читает их. Он думал о чём-то другом. Возможно, о том, как ему повезло с новой секретаршей. Или о том, как ему не повезло.

В коридоре Грета остановилась и повернулась ко мне.

— Ну, — сказала она. — Рассказывай. Как это было?

Я рассказала. Про артефакт, про кнопку, про нити, которые обвили пальцы, про голос хаотита, про слизь и про то, как Фредрик всё разрулил.

Грета слушала, не перебивая. Когда я закончила, она почесала свою рыжую бороду (жест, который я уже начала узнавать) и сказала:

— Слушай. Во-первых, этот артефакт не должен был стоять на твоём столе. Линда должна была его убрать, но она вечно всё бросала на полпути. Так что это не только твоя проблема.

— Но Фредрик сказал...

— Фредрик сказал то, что должен был сказать как начальник. Если бы он начал искать виноватых, это была бы Линда. Но Линды нет, есть ты. И он сделал то, что должен был сделать — объяснил тебе, что произошло, и что теперь будет. Это не значит, что он считает тебя идиоткой. Это значит, что он выполняет свою работу.

Я молчала, обдумывая её слова.

— Во-вторых, — продолжила Грета, — этот хаотит — известный проходимец. Он уже полгода пытается влезть в нашу сеть. Если бы не ты, он бы нашёл другой способ. А так — мы знаем, что он это сделал, и можем принять меры. Если бы он влез тихо, мы бы даже не заметили.

— Правда? — я подняла глаза.

— Правда, — Грета улыбнулась. — Так что, считай, ты оказала нам услугу. Выманила хаотита на чистую воду. Фредрик это понимает, просто он сейчас злой и усталый. Ему нужно время.

Я кивнула. Мне стало чуточку легче.

— А теперь, — Грета открыла дверь в комнату отдыха, — давай пить кофе. Ты, я смотрю, ещё ни разу не пробовала наш местный. Держись, он бодрит так, что у тебя волосы начнут шевелиться сами собой.

Она налила мне чашку из того самого агрегата, который я вчера приняла за кофеварку. Напиток был тёмным, густым, с зеленоватым отливом. Я сделала глоток и... мир вокруг меня изменился. Краски стали ярче, звуки чётче, а мысли — быстрее. Это было похоже на выпитую залпом тройную порцию эспresso, только без тревожности и сердцебиения.

— Ну как? — спросила Грета.

— Я чувствую, что могу свернуть горы, — честно ответила я.

— Это он просто расслабляет, — рассмеялась Грета. — Через час будет похмелье. Но к вечеру привыкнешь.

Мы выпили кофе, и Грета показала мне, как заполнять формы. Оказалось, что это не сложнее, чем оформлять документы в нашей университетской канцелярии. Только бумага другая, и чернила сами выстраиваются в нужные буквы, если правильно держать перо.

— Главное — не дави, — учила Грета. — Перо само знает, что писать. Ты просто направляешь. Как с маленькой собакой на прогулке.

Я попробовала. Перо в моей руке дёрнулось, вывело кривую загогулину и замерло.

— Не дави, — повторила Грета. — Расслабь руку. Доверься ему.

Я расслабилась. Перо дрогнуло, потом уверенно вывело: «Екатерина, временный сотрудник, отдел контроля межмировых аномалий». Буквы были ровными, красивыми, с какими-то завитушками, которых я точно не планировала.

— Видишь? — Грета хлопнула меня по плечу. — Получается. Ты справишься.

Я улыбнулась. Впервые за сегодняшний день — искренне.

— Грета, — спросила я. — А Фредрик... он всегда такой?

— Какой?

— Ну... мрачный. Строгий. Недовольный.

Грета задумалась.

— Он был другим раньше, — сказала она наконец. — До того, как перешёл в этот отдел. Я с ним мало знакома, но говорят, он был полевым агентом. Лучшим в своём деле. А потом что-то случилось. Команду потерял. С тех пор он здесь. В бумагах. В правилах. В контроле.

Она допила кофе и поставила чашку на стол.

— Он хороший начальник, — добавила она. — Строгий, да. Но справедливый. И если ты докажешь, что на что-то способна, он это заметит.

— А если я ничего не докажу? — спросила я.

Грета посмотрела на меня с неожиданной серьёзностью.

— Тогда он отправит тебя обратно. Найдёт способ. Он всегда находит способы.

В её словах было что-то, что заставило меня прислушаться. Какая-то уверенность, граничащая с верой.

— Он что, может отправить меня домой? — спросила я.

— Может всё, — ответила Грета. — Вопрос в том, захочет ли. И в том, захочешь ли ты. Она встала.

— Ладно, пошли. Надо закончить с жалобами до обеда. А то Фредрик без обеда становится ещё более невыносимым. А это, поверь, опасно для жизни.

Мы вернулись в кабинет. Фредрик сидел на том же месте, с тем же выражением лица, но чашка кофе перед ним была пуста, и это, кажется, сделало его чуточку спокойнее.

— Екатерина, — сказал он, не поднимая головы. — Жалобы разобраны?

— Не все, — ответила я. — Я закончу к обеду.

— Добейте. И потом займитесь формами. Грета показала, как их заполнять?

— Да.

— Хорошо. Тогда работаем.

Я села за свой стол, взяла следующую жалобу и вдруг поняла, что шёпот папок изменился. Он стал тише, спокойнее, и в нём больше не было того напряжения, которое я чувствовала утром. Может быть, папки успокоились. А может быть, это я успокоилась.

Я разбирала жалобы, заполняла формы, и постепенно мой новый мир переставал казаться таким чужим. Да, он был странным. Да, в нём были летающие экипажи, говорящие папки и хаотиты, торгующие болотной слизью. Но здесь была Грета, которая хлопала меня по плечу и говорила, что я справлюсь. И здесь был Фредрик, который, как выяснилось, был не просто

мрачным бюрократом, а человеком (или кем он там был), который потерял команду и теперь прятался за бумагами и правилами.

В конце дня, когда я уже собиралась уходить, Фредрик поднял голову и посмотрел на меня.

— Екатерина, — сказал он.

— Да? — я замерла.

Он помолчал. Потом сказал:

— Завтра в восемь. Кофе — чёрный, без сахара. И не опаздывайте.

— Хорошо, — ответила я.

И вышла из кабинета.

В коридоре я остановилась у окна. За окном уже темнело, и огни Альдегарда загорались один за другим — жёлтые, синие, зелёные, красные. Летающие экипажи сновали между домами, оставляя за собой шлейфы искр, а где-то вдалеке слышалась музыка — чужая, но красивая.

Я смотрела на этот город, который ещё вчера был мне чужим, и вдруг поняла, что он больше не пугает меня.

Он был другим. Но это не значило, что он был плохим.

— Ты справишься, — сказала я себе. И впервые поверила в это.

Я пошла в свою комнату, чтобы лечь спать, но знала, что сегодня усну не сразу. Сегодня я буду думать о хаотите, о папках, которые плачут, если их положить неправильно, и о начальнике, который потерял команду и теперь пьёт чёрный кофе без сахара, потому что, наверное, боится, что с сахаром он станет чуточку слабее.

Или чуточку человечнее.

Я легла на кровать, и стена, та самая, которая умела греть воду, тихонько загудела, убаюкивая меня.

— Спокойной ночи, — прошептала я.

Стена не ответила. Но лампа над головой мигнула три раза — жёлтым, зелёным, синим — и погасла.

И мне показалось, что это был самый добрый ответ из всех возможных.

Глава 2

Второй рабочий день в другом мире начинается с того, что ты просыпаешься за десять минут до будильника и понимаешь: стена снова нагрела воду. Сама, без всякой команды. Я лежала на кровати, слушала, как в кувшине тихонько булькает что-то горячее, и пыталась решить: это проявление заботы или просто глюк в системе?

— Спасибо, — сказала я на всякий случай.

Стена одобительно хмыкнула. Или это трубы зашумели. Я пока не научилась различать.

Утро началось с кофе. Я пришла в кабинет ровно в восемь — с чашкой в руке, чёрной, без сахара, как и было приказано. Фредрик сидел на своём месте и смотрел на меня с выражением, которое я мысленно окрестила «стандартное недовольство начальника». Но кофе он взял. Сделал глоток. Кивнул.

— Садитесь, — сказал он. — Сегодня у вас будет возможность познакомиться с коллективом.

— А разве коллектив — это не мы с вами и Грета? — спросила я, усаживаясь за свой стол. Фредрик посмотрел на меня так, будто я спросила, не летают ли здесь коровы.

— Отдел межмировых аномалий состоит из четырёх сотрудников, — сказал он. — Я, вы, Грета и архивариус. Грета — курьер, занимается доставкой и выездной работой. Архивариус отвечает за хранение и систематизацию документов. Вы — секретарь. Я — начальник. Всё просто.

— А где архивариус? — спросила я, оглядываясь.

— В архиве, — ответил Фредрик. — Где же ещё.

Это прозвучало логично. Но в его тоне было что-то... странное. Какая-то смесь усталости и обречённости, как у человека, который давно смирился с неизбежным и перестал бороться.

— Он придёт? — уточнила я.

— Иногда, — уклончиво ответил Фредрик. — Если документы сами его выпустят.

Я не поняла, шутит он или говорит серьёзно, но переспрашивать не стала. Вместо этого я взяла стопку вчерашних жалоб (я успела разобрать их до обеда, и, кажется, даже правильно, потому что папки не кричали) и принялась за новые.

Около десяти утра в кабинете что-то зашевелилось. Я подняла голову и увидела, что дверь в дальнем конце комнаты, которую я до этого принимала за стенной шкаф, медленно открывается.

Из двери вышли... нет, не вышли. Вытекли.

Я не нашла бы лучшего слова. Из проёма показалась фигура, которая двигалась с такой медлительностью, что казалось, будто время вокруг неё течёт иначе. Это был мужчина. Высокий, очень высокий, с длинными светлыми волосами, собранными в низкий хвост, и глазами цвета утреннего неба — такими бледно-голубыми, что они казались почти прозрачными. На нём была простая серая мантия, запylённая и местами порванная, а на поясе висела связка ключей, которые позвякивали при каждом шаге.

Но самое примечательное в нём были не волосы и не глаза, а выражение лица. Он выглядел так, будто только что проснулся после тысячелетнего сна и ещё не понял, в каком веке очутился. Веки тяжёлые, взгляд рассеянный, движения плавные, но какие-то... неуверенные.

— А, Линвэль, — сказал Фредрик, не поднимая головы. — Живой.

— Пока да, — ответил архивариус голосом, который звучал, как далёкий колокольный звон. — Хотя после вчерашней инвентаризации я не уверен.

Он перевёл взгляд на меня. Медленно. Очень медленно. Я успела трижды моргнуть, пока его глаза сфокусировались на моём лице.

— Новая секретарша, — констатировал он. — Линда уехала?

— Сбежала с караванщиками, — уточнил Фредрик.

— Жаль, — Линвэль вздохнул. — Она неплохо разбиралась в классификации порталных отчётов. Для человека. — Он посмотрел на меня. — А вы кто?

— Екатерина, — представилась я. — Из другого мира. Земля. Я... временно.

— Все мы здесь временно, — философски заметил эльф. — Вопрос в том, насколько временно. Некоторые задерживаются на пару десятилетий, некоторые — на пару тысячелетий. Я, например, здесь уже... — он задумался, — ...давно.

Он подошёл к моему столу, взял верхнюю жалобу, посмотрел на неё, положил обратно. Потом взял другую. И третью.

— Капуста в волосах, — сказал он вдруг.

Я машинально провела рукой по голове. Точно. Опять. Откуда она там берётся?!

— Это не капуста, — пробормотала я, вытряхивая из косы маленький белый листок. — Это... э-э-э...

— Остатки порталного проводника, — сказал Линвэль с видом профессора, который ставит диагноз. — Обычное дело для недавних мигрантов. Пройдёт через пару недель. Или не пройдёт. Зависит от того, насколько сильно вы были привязаны к своему миру.

— А как это проверить? — спросила я.

— Если через месяц у вас из ушей не пойдут ростки пшеницы — всё в порядке, — серьёзно ответил эльф.

Я уставилась на него, пытаюсь понять, шутит он или нет. Его лицо не выражало ровным счётом ничего. Абсолютная, пугающая пустота. Как у статуи.

— Он шутит, — сказал Фредрик, не поднимая головы. — Кажется.

— Я никогда не шучу, — возразил Линвэль. — Я просто сообщаю факты, которые могут быть интерпретированы как шутки из-за недостатка контекста у слушателя.

— Линвэль, — Фредрик наконец поднял глаза. — У нас есть работа.

— Всегда есть работа, — согласился эльф. — Вопрос в том, стоит ли её делать сегодня или можно отложить на завтра. А завтра — на послезавтра. А послезавтра...

— Линвэль.

— ...наступает вечность, а с вечностью, как известно, спорить бесполезно.

Он улыбнулся. Улыбка у него была странная — не широкая, не радостная, а какая-то внутренняя, будто он знает секрет, который делает всё происходящее одновременно важным и совершенно неважным.

— Хорошо, — сказал он. — Я пойду в архив. Буду систематизировать. Или не буду. Посмотрим.

Он развернулся и так же медленно, как пришёл, потек обратно к двери. Перед тем как скрыться в проёме, он обернулся и посмотрел на меня.

— Екатерина, — сказал он. — Если понадобится что-то узнать — спрашивайте. Я знаю всё. Или почти всё. Или ничего. Зависит от того, что именно вы спросите.

— А если я спрошу, как вернуться домой? — вырвалось у меня.

Линвэль замер. На мгновение его сонные глаза стали острыми, как лезвие, и я увидела в них что-то такое, от чего по спине пробежал холодок. Но длилось это не дольше секунды. Потом он снова стал сонным эльфом, который вот-вот уснёт стоя.

— Сложный вопрос, — сказал он. — Приходите в архив после работы. Поговорим.

И исчез за дверью.

Я перевела взгляд на Фредрика. Он сидел, сжимая ручку, и смотрел на дверь, за которой скрылся архивариус, с выражением человека, который пытается решить сложное уравнение.

— Он всегда такой? — спросила я.

— Линвэль — самый старый сотрудник в этом здании, — ответил Фредрик. — Он работал здесь ещё до того, как это здание построили. Он видел семь начальников отдела, три смены

магического режима и одну войну за независимость Нижних миров. Он знает всё, что можно знать о документации, порталах, аномалиях и, вероятно, о жизни вообще. Но он делает вид, что ничего не помнит, потому что если он начнёт всё помнить, его мозг взорвётся от перегрузки. Или он просто ленится. Никто точно не знает.

— А что он сказал про архив? Мне правда прийти?

Фредрик пожал плечами.

— Если хотите. Линвэль не говорит ничего просто так. Если он пригласил вас в архив, значит, у него есть для вас информация. Вопрос в том, будет ли эта информация полезной.

— А если нет?

— Тогда вы просто проведёте вечер в компании древнего эльфа, который расскажет вам историю появления канцелярской скрепки в нашем мире. Это тоже опыт.

Он снова уткнулся в бумаги, и я поняла, что разговор окончен.

До обеда я успела разобрать ещё две стопки жалоб. Это оказалось не сложнее, чем сортировать студенческие анкеты для курсовой, только анкеты тут были странные, а вместо имён и возрастов — описания летающих ковров, самовозгорающихся дров и призрачных плесеней.

Где-то в середине процесса я услышала шум. Сначала далёкий, потом всё ближе, и наконец дверь в кабинет распахнулась с такой силой, что я подпрыгнула на стуле.

— Фредрик! — заорала Грета, влетая в комнату. — Я принесла!

Она была в кожаном фартуке, испачканном чем-то зелёным и липким, в руках она держала здоровенный ящик, который, судя по тому, как он оттопыривал её могучие руки, весил килограммов пятьдесят.

— Что на этот раз? — спросил Фредрик.

— Новые бланки для порталных разрешений! — Грета с грохотом опустила ящик на пол. — Типография наконец-то допечатала! Я им говорю: «Где бланки?», а они: «Мы их уже отправили». Куда отправили? В Торговый квартал! Зачем бланки для порталных разрешений Торговому кварталу?! Они там что, порталы открывать собрались?

— Открыли, — сухо сказал Фредрик. — Три дня назад. Без разрешения. Я сейчас разбираю этот вопрос.

— Ну и бардак, — констатировала Грета. Она перевела взгляд на меня и улыбнулась. — О, Екатерина! Как дела? Капуста в волосах ещё есть?

— Немного, — призналась я, вытаскивая очередной листок из косы. — Линвэль сказал, это пройдёт.

— Линвэль много чего говорит, — Грета махнула рукой. — Он в прошлом году сказал, что я должна перестать есть на ночь, а то у меня усы начнут расти быстрее. Я перестала. Усы не перестали расти. Он сказал: «А ты думала, если перестанешь есть, усы волшебным образом исчезнут? Это генетика, Грета, с генетикой не поспоришь». Я ему чуть голову не открутила. С трудом отговорила.

Я рассмеялась. Грета была такой... живой. Громкой, прямой, без единого намёка на ту загадочность, которой были пропитаны и Фредрик, и Линвэль. С ней было легко.

— Грета, — сказала я, — а кто такой Штифт? Фредрик говорил вчера про какую-то крысу.

Грета и Фредрик переглянулись. В их взглядах было что-то странное — смесь веселья и усталости, как у родителей, которых спрашивают о младшем ребёнке, устроившем вчера погром.

— Штифт, — сказала Грета, — это... наше всё. И наша головная боль.

— Канцелярская крыса, — добавил Фредрик. — Ожившая.

— Как это — ожившая? — я нахмурилась.

— А вот так, — Грета полезла в карман фартука. — Кто-то из прежних сотрудников — я подозреваю того же эльфа — решил, что канцелярии не хватает души. Взял обычную

крысу, которая жила в подвале, и провёл ритуал. Теперь она — часть отдела. Разбирает бумаги, сортирует корреспонденцию, иногда жуёт углы папок, если они ей не нравятся. И ещё...

Она вытащила из кармана нечто маленькое, серое и пушистое.

— Штифт, работать! — скомандовала она.

Пушистое нечто развернулось. Это действительно была крыса. Обычная серая крыса с длинным хвостом и блестящими чёрными глазами-бусинками. Но на её голове красовалась крошечная шапочка из пергамента, сложенная в виде треуголки, а на спине — маленькая сумка, похожая на те, что носят почтальоны.

Крыса посмотрела на меня, чихнула и вдруг сказала:

— Новенькая?

Я поперхнулась воздухом.

— Она... она говорит?!

— Говорит, — подтвердил Фредрик. — Точнее, общается. У неё есть ограниченный набор фраз, связанных с работой. В основном — «принято», «отправлено», «нет бланков», «кофе кончился» и «я не буду это делать». Последнее она говорит чаще всего.

— Я не буду это делать, — подтвердила крыса и прыгнула с руки Греты на мой стол.

Я заворожённо смотрела, как она деловито перебирает лапками, пододвигая к себе стопку жалоб. Она взяла верхний лист, посмотрела на него, повертела в лапках и отложила в сторону.

— Бытовое, — сказала она. — В синюю.

— В жёлтую, — поправил Фредрик.

Крыса посмотрела на него. В её чёрных глазках промелькнуло что-то, очень похожее на презрение.

— В синюю, — повторила она. — Жёлтая кончилась.

Я заглянула в ящик, где лежали папки. Действительно, жёлтой папки не было. Только синяя, красная и зелёная, которую я ещё не использовала.

— А что в зелёную? — спросила я.

— Экстренные, — ответил Фредрик. — Но их почти не бывает. К счастью.

Крыса — Штифт — тем временем уже разобрала половину стопки. Она работала быстро, ловко перебирая лапками листы, и каждому находила своё место. Я смотрела на неё и чувствовала лёгкий укол зависти. Эта крыса, которая когда-то была просто подвальным грызуном, справлялась с моей работой быстрее и лучше меня.

— Не переживай, — сказала Грета, заметив моё выражение лица. — Штифт — профи. Она здесь уже лет пять. А ты — второй день. Дай себе время.

— Я не буду это делать, — снова сказала крыса, на этот раз глядя на Грету.

— Что ты опять не будешь делать? — вздохнула Грета.

— Отвечать на запросы Торгового квартала, — отчеканила Штифт. — Они пишут неправильно. Три ошибки в каждом слове. Я не буду это читать.

— Придётся, — сказал Фредрик. — Это твоя работа.

— Моя работа — разбирать корреспонденцию, — возразила крыса. — А не расшифровывать иероглифы, которыми торгаши заменяют буквы. Пусть Екатерина делает. У неё нет выбора.

Крыса посмотрела на меня, и мне показалось, что она... улыбнулась. По крайней мере, её усы дрогнули как-то особенно ехидно.

— Эй! — возмутилась я. — Я тоже не обязана...

— Обязаны, — перебил Фредрик. — Все в этом отделе обязаны. Штифт — разбирает почту. Грета — доставляет документы. Линвэль — хранит архив. Вы — секретарь. А я — начальник, который всем этим руководит. И если у нас нет жёлтой папки, мы используем синюю. Если у нас есть крыса, которая отказывается работать, мы... — он замолчал, задумавшись. — Мы уговариваем её работать. Штифт, пожалуйста.

— Пожалуйста, — повторила крыса, и в её голосе прозвучала такая издевательская нотка, что я едва сдержала смех. — Скажи волшебное слово.

— Штифт, — голос Фредрика стал угрожающе спокойным. — Если ты не начнёшь разбирать почту, я скажу Линвэлю, чтобы он перестал ставить для тебя блюдо с молоком.

Крыса замерла. Её глазки-бусинки сузились.

— Не надо Линвэля, — сказала она. — Я буду. Но Торговый квартал — Екатерина.

— Хорошо, — согласился Фредрик. — Торговый квартал — Екатерина. Всё остальное — ты.

Штифт фыркнула, прыгнула со стола и, семеня лапками, скрылась в какой-то щели между стеллажами. Через минуту оттуда донёсся шорох бумаг и приглушённое бормотание: «Принято... отправлено... нет бланков... кофе кончился...»

— Вы с ней справитесь, — сказала Грета, хлопнув меня по плечу. — Главное — не показывать слабость. Она это чувствует.

— Она же крыса, — растерянно сказала я.

— Она — канцелярская крыса, — поправил Фредрик. — Это большая разница.

После обеда я решила, что пора действовать.

Я не могла просто сидеть и перекладывать бумажки, когда вокруг царил такой бардак. Папки лежали где попало, документы путались, система сортировки (если она вообще существовала) напоминала мне попытки нашего университетского деканата навести порядок в ведомостях — то есть отсутствовала как таковая.

Я социолог. Я пишу курсовую по организационному поведению. Я знаю, как работает тайм-менеджмент. Ну, в теории.

— Фредрик, — сказала я, когда он оторвался от бумаг, чтобы сделать глоток кофе. — У меня есть предложение.

Он поднял бровь. Та самую, левую, которая всегда поднималась чуть выше правой.

— Какое?

— Нужно организовать систему. Папки — по цветам и по срокам. Входящие документы — по приоритетам. И распределить время, чтобы...

— Екатерина, — перебил он. — В этом отделе система есть. Она сложилась за многие годы. И она работает.

— Работает? — я огляделась. Папки громоздились на стульях, на подоконнике, на полу. На моём столе, который я разобрала утром, снова выросла гора бумаг — Штифт притащила новые запросы. — Вы называете это работой?

Фредрик поморщился.

— Это называется «рабочий процесс в условиях хронической нехватки ресурсов». У нас нет денег на нормальную систему хранения. У нас нет штата, чтобы всё разгрести. У нас есть я, вы, Грета, Линвэль и крыса. Мы делаем то, что можем.

— Но можно делать больше! — воскликнула я. — Если правильно организовать...

— Екатерина.

— Дайте мне неделю! Я составлю план, распределю задачи, введу систему приоритетов...

— Екатерина! — голос Фредрика стал жёстче. — Я ценю вашу инициативу. Но этот отдел существует не первый день. Здесь были секретари и до вас. И каждый из них пытался «навести порядок». Знаете, чем это заканчивалось?

Я замолчала.

— Тем, что Линвэль прятался в архиве на три дня, потому что «нарушена гармония документального пространства». Грета теряла документы по пути. Штифт объявляла забастовку. А я получал мигрень, от которой не помогало даже зелье, потому что вместо того, чтобы спо-

койно работать, я должен был объяснять, почему нельзя перекладывать папки с места на место, если они уже привыкли к своему расположению.

— Папки привыкли? — переспросила я.

— Папки привыкли, — повторил Фредрик. — Они живые, я вам говорил. Они помнят, где лежали. Если вы переложите их в другое место, они будут кричать. Неделю. По ночам.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Фредрик поднял руку.

— Хватит. Работайте с тем, что есть. Никаких реформ. Никакого тайм-менеджмента. Никаких «человеческих» методов. Мы живём в мире магии, и здесь всё работает иначе. Даже папки.

Он снова уткнулся в бумаги, и я поняла, что спорить бесполезно.

Но я не была бы собой, если бы сдалась после первого отказа.

Я подождала, пока Фредрик уйдёт на совещание (какое-то важное, с начальством из соседнего отдела), и приступила.

Сначала я просто переставила папки на своём столе. Не кардинально, нет. Я просто разложила их по приоритетам: срочные — ближе, несрочные — дальше. Потом я взяла стопку входящих запросов и разделила их на три категории: требующие немедленного ответа, требующие ответа в течение дня и те, которые можно отложить на завтра.

Штифт наблюдала за мной из своего убежища между стеллажами и фыркала.

— Неправильно, — сказала она.

— Что именно? — спросила я, не оборачиваясь.

— Всё. Красные — срочные. Синие — обычные. Жёлтые — можно подождать.

— У нас нет жёлтой папки, — напомнила я.

— Потому что жёлтые кончились, — отрезала крыса. — Это не значит, что их нужно заменять местоположением. Нужно найти новые жёлтые.

— И где их искать?

— В архиве, — сказала крыса и юркнула обратно в щель.

Я задумалась. Архив. То самое место, куда меня пригласил Линвэль. Может быть, стоит сходить туда не вечером, а прямо сейчас?

Но в этот момент вернулся Фредрик. Он был бледнее обычного, и на лбу у него пульсировала вена — та самая, про которую говорила Грета.

— Что это? — спросил он, глядя на мой стол.

— Я... немного переставила папки, — призналась я.

Фредрик закрыл глаза. Сделал глубокий вдох. Открыл.

— Екатерина, — сказал он. — Я просил вас не трогать систему.

— Я не трогала систему! Я просто...

— Переставила папки. На своём столе. Да. Но эти папки привыкли лежать в определённом порядке. Теперь они будут нервничать. А когда они нервничают, они начинают кричать. А когда они кричат...

— Кофе кончился, — донёсся из щели голос Штифта.

— ...у меня начинается мигрень, — закончил Фредрик.

Он сел за свой стол, выдвинул ящик, достал оттуда маленький пузырёк с мутной жидкостью, отпил глоток и поморщился.

— Впредь, — сказал он, — никаких изменений без моего письменного разрешения. Это приказ.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя себя нашкодившей кошкой.

Весь остаток дня я старалась не отвечивать. Разбирала жалобы, заполняла формы, делала вид, что ничего не произошло. Но в голове у меня крутились мысли о системе, об организации, о том, как можно было бы всё наладить, если бы Фредрик не был таким... консервативным.

А ещё я думала о словах Линвэля. «Приходите в архив после работы. Поговорим».

Когда часы на стене Фредрика (огромные, с маятником в виде дракона, который каждые полчаса выпускал из пасти струйку дыма) показали шесть вечера, начальник поднялся, надел свой мундир (тот самый, с пятном от соуса, которое, кажется, уже никто не собирался выводить) и сказал:

— Я ухожу. Вы закрываете кабинет. Ключ — в верхнем ящике вашего стола. Завтра в восемь. Не опаздывайте.

Он вышел, и я осталась одна.

Точнее, не совсем одна. Штифт всё ещё шуршала в своём убежище, и иногда из щели доносилось её ворчание: «Принято... отправлено... нет бланков... начальник ушёл, можно спать...»

Я подождала, пока крыса уgomонится, потом встала и подошла к двери, из которой утром вышел Линвэль.

Дверь была массивной, тёмного дерева, с кованой ручкой в виде какого-то растения с длинными листьями. Я толкнула её, и она открылась с тихим, печальным скрипом.

За дверью начинался архив.

Я ожидала увидеть обычное хранилище документов — стеллажи, полки, коробки. Но архив оказался... бесконечным. Буквально. Пространство уходило вверх и в стороны насколько хватало глаз, и везде, на всех уровнях, стояли стеллажи с папками, свитками, коробками и странными предметами, которые я не могла идентифицировать.

Воздух здесь был густым, пыльным, с запахом старой бумаги, чернил и ещё чего-то сладковатого, похожего на мёд. Где-то вдалеке капала вода, и этот звук создавал ощущение, что ты находишься внутри огромной пещеры.

— Линвэль? — позвала я. Голос прозвучал глухо, будто я говорила в подушку.

— Я здесь, — ответили откуда-то слева.

Я пошла на голос, лавируя между стеллажами. Папки на полках тихо шуршали, провожая меня взглядами (у папок не было глаз, но я чувствовала их внимание). Некоторые из них светились слабым голубоватым светом, другие — тёмно-красным. Одна папка, совсем старая, с выцветшими буквами на корешке, застонала, когда я прошла мимо.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Линвэль, появляясь из-за стеллажа. — Это архив за позапрошлый год. Они стонут всегда. У них тяжёлая судьба.

Он был без мантии, в простой рубашке с закатанными рукавами, и выглядел почти нормально. Почти — потому что глаза его всё ещё были сонными, а движения — плавными, как у человека, который живёт в другом темпе.

— Вы пришли, — сказал он. — Хорошо. Я думал, вы не придёте.

— Почему?

— Потому что большинство не приходит. Боятся. Архив пугает людей. И не только людей.

Он жестом пригласил меня следовать за ним, и мы углубились в лабиринт стеллажей. Чем дальше мы шли, тем тише становилось вокруг. Шорох папок затих, капание воды прекратилось, осталась только тишина — плотная, почти осязаемая.

— Вы хотели спросить о возвращении домой, — сказал Линвэль, не оборачиваясь.

— Да. Фредрик сказал, что может отправить меня обратно. Но нужно разобраться с системой, с документами...

— Фредрик много чего может, — перебил эльф. — Вопрос в том, захочет ли. И в том, сможет ли.

— Вы думаете, он не захочет?

Линвэль остановился перед стеллажом, который ничем не отличался от других. Он провёл пальцами по корешкам папок, и те засветились, как будто приветствуя его.

— Фредрик — хороший начальник, — сказал он. — Лучший из всех, кого я видел. Но он... закрытый. Он боится привязываться к людям. После того, что случилось с его командой...

— Что случилось?

Линвэль помолчал. Его лицо, обычно такое сонное и отстранённое, стало серьёзным.

— Это не моя история, — сказал он наконец. — Если он захочет, расскажет сам. А я покажу вам то, что обещал.

Он вытащил с полки папку. Она была старой, кожаной, с потускневшими металлическими уголками. На обложке золотым тиснением было выведено:

«Личное дело Ф. Хальден. Гриф “Совершенно секретно”»

Я уставилась на папку, потом на Линвэля.

— Это... личное дело Фредрика?

— Да.

— И вы показываете его мне?

— Я показываю вам то, что вы ищете, — ответил эльф. — Вы пришли в архив, чтобы найти способ вернуться домой. Но вы ищете не формуляр, Екатерина. Вы ищете ответ на вопрос, которому нет места в формуляре.

— Какой вопрос?

Линвэль посмотрел на меня. В его глазах, таких бледных и далёких, я вдруг увидела что-то очень древнее и очень грустное.

— Вы хотите знать, можно ли доверять этому миру, — сказал он. — И людям в нём. Формуляр вам этого не скажет. А это — скажет.

Он протянул мне папку.

Я взяла её. Кожа была прохладной и гладкой, а буквы на обложке, казалось, пульсировали в такт моему сердцу.

— Я не могу это читать, — сказала я. — Это личное. Это...

— Это часть архива, — перебил Линвэль. — А архив — это память. Память не бывает лишней. И если вы хотите понять, где вы оказались и с кем, вы должны знать прошлое. Не всё, конечно. Но достаточно.

Он развернулся и пошёл обратно, в глубину архива.

— Прочитайте, — сказал он на прощание. — И решите сами. А когда решите — приходите. Я покажу вам формуляр. Он здесь, рядом. Но без ответа на главный вопрос он вам не поможет.

— Какой главный вопрос? — крикнула я ему вслед.

Голос эльфа донёсся уже издалека, но я отчётливо расслышала каждое слово:

— Хотите ли вы вернуться? Или хотите остаться?

Я осталась одна посреди архива с папкой в руках, на которой золотыми буквами было выведено имя моего начальника и слово «Совершенно секретно».

Где-то вдалеке снова закапала вода. Папка в моих руках была тёплой, почти горячей, и мне казалось, что я чувствую, как внутри неё бьётся чужое сердце.

Я села на пол, прислонившись спиной к стеллажу, и открыла папку.

Первое, что я увидела, была фотография. Не фотография даже, а магический оттиск — движущееся изображение, вплавленное в бумагу. На нём был Фредрик. Но не тот Фредрик, которого я знала — усталый, мрачный, с вечной чашкой кофе в руке. На оттиске был молодой мужчина с такими же тёмными волосами, но с улыбкой. Широкой, открытой, почти мальчишеской. Он стоял в окружении трёх других людей — женщины с огненно-рыжими волосами, мужчины с огромным мечом за спиной и ещё одного, худого, в очках, с блокнотом в руках. Все они смеялись, и Фредрик смеялся вместе с ними.

Под оттиском было написано: «Полевая группа “Альфа”. Состав: Хальден Ф., Эрн Б., Торгрим С., Финн О. Дата формирования: 15.03.1248».

1248-й год. Я не знала, как это соотносится с моим календарём, но чувствовала: это было давно. И это было важно.

Я перевернула страницу и начала читать.

Часы в архиве не шли. Я не знала, сколько времени провела там, сидя на полу, перелистывая страницы, исписанные аккуратным, но каким-то слишком правильным почерком Фредрика. Я читала о миссиях, о порталах, об аномалиях, о том, как команда Хальдена считалась лучшей в Управлении. Читала о том, как в одну из миссий что-то пошло не так. Читала о прорыве, о ловушке, о том, как Фредрик остался один.

И о том, как он потом, после расследования, попросил перевести его в архив. В канцелярию. Подальше от поля, от команд, от людей, которых он мог потерять.

Когда я закрыла папку, мои руки дрожали.

Я сидела в тишине архива и пыталась соединить две картинки: Фредрика с фотографии — смеющегося, живого, окружённого друзьями — и Фредрика из моего кабинета — замкнутого, усталого, прячущегося за папками и правилами.

И я вдруг поняла, почему он так разозлился, когда я активировала артефакт. Не потому, что это создавало проблемы с шифрованием. А потому, что я рисковала. Потому что я не спросила. Потому что я могла пострадать. И он не хотел ещё одной потери.

Я аккуратно положила папку на место. Встала. Отряхнула пыль с джинсов (в волосах, кажется, снова была капуста, но сейчас мне было всё равно).

— Линвэль! — крикнула я в темноту. — Я прочитала!

Тишина. Потом шорох, и эльф появился из-за стеллажа, держа в руках пыльный свиток.

— И? — спросил он.

— Я хочу вернуться, — сказала я. — Но не сегодня.

Линвэль улыбнулся. Впервые за всё время его улыбка была не сонной и не загадочной, а просто тёплой.

— Хороший ответ, — сказал он. — Тогда формуляр подождёт. А вы идите спать. Завтра трудный день.

— Почему трудный?

— Потому что завтра вы посмотрите на Фредрика другими глазами, — сказал эльф. — А это всегда трудно. И для вас, и для него.

Он протянул мне свиток.

— Это карта архива, — сказал он. — Чтобы не заблудились в следующий раз. Приходите, когда будете готовы.

Я взяла свиток, поблагодарила и пошла к выходу. Обернулась уже в дверях:

— Линвэль!

— Да?

— А что случилось с командой Фредрика? В папке не было конца.

Эльф помолчал.

— Потому что конец ещё не написан, — сказал он. — Для Фредрика. И, возможно, для вас.

Он исчез в глубине архива, а я вышла в коридор, где горели тусклые ночные светильники, и побрела в свою комнату.

Стена уже нагрела воду. Кувшин тихо булькал, приглашая умыться. Я разделась, умылась, легла на кровать и уставилась в потолок.

— Стена, — сказала я. — Ты здесь давно?

Стена молчала. Но лампа над головой мигнула три раза — жёлтым, зелёным, синим.

— Долго, да? — поняла я.

Лампа мигнула ещё раз — зелёным.

— А Фредрик здесь давно?

Два мигания. Жёлтый, синий. Я не поняла, что это значит, но спросила то, что действительно хотела знать:

— Он хороший человек?

Лампа замерла. Я уже думала, что стена не ответит, как вдруг свет стал тёплым, золотистым, как в тот момент, когда я сказала «спокойной ночи» вчера.

Я закрыла глаза и улыбнулась.

— Спокойной ночи, — сказала я.

Лампа погасла, и я уснула с мыслью о человеке на старой фотографии, который когда-то умел смеяться, и о том, смогу ли я когда-нибудь увидеть его таким.

Глава 3

Третий день в другом мире начался с того, что я проснулась от звука, похожего на переключку в пионерском лагере. Где-то над зданием Управления раздавался мощный, раскатистый голос, который, казалось, сотрясал стены до самого фундамента:

— Эй! Есть кто живой?! Я требую к себе внимания! Немедленно!

Я села на кровати, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то в район пяток. Стена тревожно загудела, лампа над головой замигала белым светом.

— Что это? — спросила я, хотя понимала, что стена вряд ли ответит.

Она ответила. Лампа мигнула красным, и в моей голове вдруг возник образ... дракона. Огромного, чешуйчатого, с горящими глазами. Или, вернее, человека, который очень хотел быть драконом. Или дракона, который очень плохо умел быть человеком.

Я натянула джинсы, схватила ту самую футболку, которая была велика на три размера (чистую, стена позаботилась), и выбежала в коридор.

Грета уже была там. Она стояла у окна, в полном боевом облачении — кожаном фартуке с металлическими вставками, с дубинкой на поясе и с выражением лица человека, который собирается надрать чью-то чешуйчатую задницу.

— А, проснулась, — сказала она, увидев меня. — Хорошо. Идём. У нас гость.

— Я слышала, — я попыталась пригладить волосы, но они, кажется, снова были полны капусты. — Кто это?

— Дракон, — Грета сплюнула в сторону с такой силой, что я невольно отшатнулась. — Должник. Злостный. Второй месяц не платит штраф за несанкционированные превращения. А теперь ещё и орет под окнами, мешая работать. Фредрик в бешенстве.

— А почему он сам не...

— Фредрик? — Грета усмехнулась. — Фредрик с драконами не работает. После того случая... — она замолчала, и я поняла, что она тоже знает о прошлом начальника. — Короче, это наша забота. И твоя тоже.

— Моя?

— Ты же секретарь. Секретарь всегда ходит с курьером на вызовы. Для ознакомления с процедурой. Фредрик сказал: «Екатерина должна учиться». Ну, вот и будешь учиться.

Она схватила меня за руку и потащила к лестнице. Мы спустились на первый этаж, прошли через главный холл (круглый, с высоким куполом, на котором был изображён какой-то сложный астрологический — или, скорее, порталный — атлас) и вышли на крыльцо.

Я ожидала увидеть дракона. Настоящего. Огромного, с крыльями и хвостом, как в фильмах. Но на площади перед зданием стоял мужчина.

Ну, не совсем мужчина. Скорее, мужчина с большими проблемами с самоидентификацией.

Он был огромным — под два метра ростом, с широкими плечами и руками, которые, казалось, были созданы для того, чтобы ломать стены, а не подписывать документы. Одет он был в дорогой, но ужасно мятый костюм — пиджак трещал по швам на спине (видимо, там, где обычно располагаются крылья), брюки были слишком короткими, а ботинки... ботинки были разного цвета. Левый — чёрный, правый — коричневый. И на обоих не хватало шнурков.

Лицо у него было... ну, человеческое. Но с очень выразительными деталями. Глаза — вертикальные зрачки, золотистые, как расплавленный металл. Скулы — острые, словно точеные. И волосы — коротко стриженные, тёмные, но с медным отливом, который поблёскивал на солнце.

Когда мы вышли, он перестал орать и уставился на нас. Вернее, на Грету. На меня он даже не посмотрел.

— Наконец-то! — прогремел он голосом, от которого у меня заложило уши. — Я требую! Я настаиваю! Я...

— Ты требуешь, Дориан? — Грета скрестила руки на груди. — Ты, который уже два месяца должен Управлению три тысячи альдов? Ты, который превращался в дракона в центре города, напугал караван с детьми и раздавил три торговые палатки? Ты требуешь?

Дракон — судя по имени, его звали Дориан — слегка сдулся. Его плечи опустились, и он вдруг стал похож на огромного, но очень обиженного ребёнка.

— Я не специально, — проворчал он. — Это всё стресс. Когда я нервничаю, я превращаюсь. Это физиология. Я не могу это контролировать.

— Можешь, — отрезала Грета. — Тебе выдали###. Ты их не принимаешь.

— Они горькие.

— Тысяча альдов штрафа за первое превращение. Ещё тысяча — за второе. И третья — за то, что ты устроил драку в порталном зале. Итого — три тысячи. Плюс пени. Плюс моральный ущерб пострадавшим. Плюс...

— Ладно, ладно! — Дориан замахал руками. — Я знаю, сколько я должен. Я пришёл не спорить. Я пришёл... — он замялся, — ...попросить отсрочку.

— Отсрочку? — Грета рассмеялась. Это был не весёлый смех. Это был смех человека, который слышит одну и ту же шутку в сотый раз и уже не находит её смешной. — Ты уже просил отсрочку. Три раза. Ты обещал заплатить после торгового сезона. Торговый сезон прошёл. Где деньги?

— Деньги... — Дориан потупился. — Деньги закончились.

— Как это — закончились?

— Ну, я... вложил их в одно дело. Перспективное. Торговля артефактами с Нижними мирами. Очень выгодно! Но партнёр... ну, короче, партнёр оказался хаотитом. Исчез с деньгами. А я остался...

— С пустым кошельком и долгами, — закончила Грета. — Классика.

Она вздохнула и посмотрела на меня.

— Вот, Екатерина. Знакомься. Дориан Золотой Хвост. Дракон-оборотень. Владелец трёх лавок в Торговом квартале. И, судя по всему, скоро бывший владелец, потому что за неуплату долга Управление имеет право конфисковать имущество.

— Конфисковать?! — Дориан побледнел. Вернее, его золотистая кожа стала сероватой. — Но это мои лавки! Это моё наследство! Моя мать...

— Твоя мать, между прочим, была образцовой налогоплательщицей, — сухо сказала Грета. — И она точно не одобрила бы того, что ты превращаешься в дракона посреди города и давишь палатки с сувенирами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.